

В наши дни быстро растет спрос на научную литературу, которая была бы доступна и для читателя-неспециалиста. В числе других вопросов массовый читатель проявляет интерес и к вопросам генезиса и развития различных форм религиозной идеологии, в частности, сохраняющейся у народов Советского Союза. Среди последних работ о религии, предназначенных не только для специалистов, следует назвать книгу В. Н. Басилова «Культ святых в исламе».

Как показали исследования так называемых «мировых» религий, в них, наряду с догмами, обязательными для всех последователей, обнаруживаются у разных народов своеобразные черты, порожденные влиянием старых религиозных воззрений. Уступая место новой религии, древние верования не исчезали бесследно, а продолжали существовать в ином обличье и в иной роли. Особенно много следов старых религиозных воззрений отложилось в культе многочисленных святых, который вследствие этого является своеобразным источником для реконструкций представлений далекого прошлого, не оставивших следа в письменных памятниках.

Культ святых в исламе давно привлекает внимание ученых, начиная с крупнейшего знатока ислама И. Гольдциера, высказавшего мысль о сохранении в этом культе у мусульманских народов остатков их прежних религий. Все последующие исследования подтвердили глубокую правоту этого взгляда.

Несмотря на наличие ряда серьезных работ, проблемы древнего наследия в мусульманском культе святых, в частности вопросы происхождения отдельных персонажей, еще далеки от окончательного разрешения. В культе святых у народов Средней Азии до сих пор еще много неясного. Недостаточно изучены местные культы, сложившиеся у разных народов и групп населения. Многочисленные местные святыни, которые отнюдь не перестали играть своей роли в распространении религиозной идеологии и еще пользуются почитанием, не только не изучены, но часто и не выявлены. Не раскрыт генезис связывавшихся с определенными святыми представлений, распространенных в прошлом очень широко, не говоря уже о культах, имеющих местное значение. По ряду народов отсутствует конкретный описательный материал, недостает фактов для научного исследования природы древних представлений и характера их трансформации под влиянием ислама.

Небольшая книжка В. Н. Басилова написана квалифицированно, на свежем, оригинальном материале, собранном автором во время работы в поле. Название книги значительно шире ее содержания: в ней рассматривается культ святых не в исламе вообще, а преимущественно в исламе среднеазиатском, имеющем свои локальные особенности. При чрезвычайной сложности темы В. Н. Басилов выбрал для своего исследования только некоторые персонажи культа святых, только некоторые его аспекты, и это правильно. В рамках небольшой книги и в условиях современного состояния знаний по этому вопросу иная постановка задачи могла бы привести только к изложению суммарного общего материала, а не дала бы ничего нового. Рассмотрение всех почитаемых в Средней Азии святых потребовало бы долгих лет исследований и написания объемистых фолиантов. Поэтому ограничение автором своей задачи лишь некоторыми вопросами было единственно правильным решением. Однако несоответствие названия книги содержанию может вызвать недоумение, а у неспециалиста (тираж книги показывает, что она рассчитана на массового читателя), может быть, и неудовлетворенность. В заглавии лучше было бы указать, к какому региону относится рассматриваемый в ней материал.

Больше всего внимания, как отдельному персонажу культа, уделено святому, широко известному, вероятно, у всех народов Средней Азии как безумец Бурх (Буркут). По поверью существовало множество могил святого в разных местах: в Куния-Ургенче и Бухарской области, в отдаленном районе горного Таджикистана Вахйю и, вероятно, еще во многих, пока не упомянутых в литературе местах. Этот святой, культ которого впервые отмечен у горных таджиков Н. А. Кисляковым, предстает в легендах как «баловень бога», которому дозволяется грозить самому творцу и требовать у него исполнения своих просьб, носящих весьма ультимативный характер. Откуда взялись эти и другие непонятные и странные черты его образа?

Собрав обильный и распространенный материал об этом культе, используя те данные, которые сообщались о нем в литературе (в частности, автором этой рецензии), а также факты аналогичного содержания из верований других народов мира, В. Н. Басилов нашел свое объяснение этого образа (глава I). Он проанализировал отдельные его черты и показал, как синкретичен этот образ, сколько различных элементов древних верований включил он в себя на протяжении многих веков, в течение которых культ Бурха видоизменялся, подвергаясь разным влияниям. Приспосабливаясь к изменившимся историческим условиям, культ святого безумца продолжал существовать и при исламе, сохраняя при этом свои древние особенности, позволяющие понять истоки отдельных деталей мифической биографии святого. В. Н. Басилов находит эти истоки в древних аграрных культах. От них идет и «стояние в течение сорока дней на одной ноге», аналогии которому известны у ряда земледельческих народов, и его функция «хозяина дождя», особенно ярко представленная в верованиях туркмен.

Весьма остроумно (и, по нашему мнению, правильно) трактуется неуважительное отношение Бурха к самому богу. Собрав по этому вопросу довольно значительный

полевой и литературный материал, показывающий, как широко было распространено подобное представление. В. Н. Басилов видит в этом следы разных этапов борьбы ортодоксального ислама с поклонением древнему земледельческому божеству, следы приспособления связанного с этим культом мифа к господствующей религии — исламу. Заслуживает одобрения стремление автора при рассмотрении верований выделить те черты, которые в народных представлениях отнесены к данному персонажу случайно, и те, которые связаны с ним исконно.

В литературе уже высказывалась общая мысль о том, что почитание святых в своем генезисе восходит к культу предков. В. Н. Басилов, используя для анализа культа святых в этом аспекте материал из области верований туркмен — народа, у которого очень долго сохранялись пережитки родо-племенного быта, сумел показать связь этих двух стадийно различных культов на конкретных, и поэтому убедительных, примерах (глава II). Этот анализ оказался полезным и для понимания характера поздних туркменских «племен»: он показал, насколько ослабели в последний период существования этих «племен» родовые связи, уступившие место связям территориальным. Даже в такой консервативной области, как культ, место родовых святынь у туркмен заняли в основном святыни местные, почитаемые независимо от происхождения обожествляемого лица.

Хотя в этом разделе преобладает материал по туркменам, автор не уклоняется от более широкого анализа данного явления. Для этого он привлекает имеющийся в его распоряжении материал по другим народам Средней Азии и по казахам. При совершенной неразработанности этой проблемы, изложенные в разделе факты и их интерпретация приобретают особый интерес.

Вопрос о среднеазиатском шаманстве принадлежит к нерешенным и очень интересным научным проблемам. В работе В. Н. Басилова (глава III) он предстает в совершенно неожиданном аспекте. Автор рецензируемой книги обнаружил, что у одной из групп туркмен — нохурли шаманскими функциями наделены ходжи — «священное» сословие, ведущее свое происхождение якобы от самого пророка Мухаммеда. Аналогии между их деятельностью и среднеазиатским шаманством полные: ходжи, как и шаманы, действуют в качестве защитников людей от злых духов и «лечат» болезни, якобы вызванные духами; как и шаманы, они действуют с помощью «войска» подчиненных им духов, как и шаманы, приводят себя в транс.

Изученный В. Н. Басиловым факт является в своем роде классическим примером сращения доисламских и исламских верований. Под оболочкой «потомков пророка» вырисовывается совершенно недвусмысленно шаман — персона, истоки которой уходят в первобытность. Глубокие местные корни древних религиозных идей вписались в принесенную сюда арабами новую религию. Частный вопрос о том, являются ли нохурские «святые» ходжи прямыми потомками древних шаманов и с какой из групп нохурских ходжей первоначально были связаны шаманские верования, нам не представляется важным. У народов Средней Азии шаманство не было изжито вплоть до революции. В одних местах оно было более обособленным от ислама (таким представляется шаманство у киргизов и у казахов, у которых оно тесно слилось с культом предков), в других — как у туркмен-нохурли — шаман и ходжа соединились в одном лице. Но основа повсюду общая: сохранение анимистического миропонимания, сохранение шаманами в рамках ислама роли основных «врачевателей» и прорицателей. То обстоятельство, что шаманство полностью не изжито и сейчас, подчеркивает современность и актуальность исследований, подобных выполненному В. Н. Басиловым.

Интересен и круг вопросов, рассматриваемых в последней главе книги. Нельзя не согласиться с автором, что раскрытие архаических корней культа не должно приводить к архаизации религиозных верований мусульман вообще: древние обряды могут исполняться механически, по традиции, и не свидетельствуют о сохранении какого-то «архаического мышления». Правильно и то, что при рассмотрении мировоззрения мусульман, в частности при анализе пережитков древних верований, отложившихся в культе святых, нельзя преуменьшать влияние на это мировоззрение ислама, в духе которого происходила обработка древних верований, особенно значительная там, где это касалось культа мусульманских святых. Однако утверждение, что примитивные формы культа святых «являются не отголоском первобытности, не атавизмом, а результатом деградации развитых религиозных воззрений» (стр. 141—142), не может быть принято полностью: в этих весьма различных культах можно обнаружить и то и другое. Всякий, кто соприкасался с семейным бытом народов Средней Азии в первые годы Советской власти, хорошо знает, какое большое место в объяснении явлений и событий, в представлениях о причинности, существовавших у местного населения, занимали такие верования, которые в полной мере могут быть отнесены к весьма живым еще пережиткам древнего анимизма, могут считаться его прямым продолжением в различных формах, в частности, в форме шаманства. Те воззрения, которые оказались у туркмен-нохурли связанными с «потомками» Мухаммеда, никак нельзя принять за результат разложения развитых религиозных воззрений, так как подобные представления были распространены в народной среде и вне связи с культом святых. В этом случае их генезис из магики-анимистических верований, восходящих к первобытности, не вызывает сомнения. Эти представления и некоторые рассмотренные автором рецензируемой работы верования — явления одного порядка, хотя и разных ступеней эволюции или деградации. Но, конечно, даже самые архаичные представления начала XX в. никак нельзя отождествлять с идеологией первобытного общества. Сохранившись в течение многих

веков, эти реликты прошлого трансформировались под влиянием развития общества и его идеологии.

Особенно наглядно это проявляется в переплетении древних верований и обрядности с мусульманством.

Автор, несомненно, будет продолжать свои исследования дальше, в связи с этим хочется высказать ему свои пожелания. Традиционный быт туркмен, казахов и киргизов вследствие прочного сохранения у них родо-племенных традиций дает большие возможности для выяснения преемственной связи почитания конкретных персонажей с культом предков. Поэтому желательно продолжить изучение этого вопроса в частности, изучить в этом аспекте и культ «святых женщин». В книге В. Н. Басилова этот вопрос, к сожалению, совсем не затронут. Между тем имеющийся материал показывает, что у узбеков и таджиков (несмотря на давнее господство у них патрилинейных родственных связей и патриархальной идеологии) женские культы отнюдь не были в пренебрежении.

Древние матриархальные культы нашли отражение, например, в широко распространенном у названных народов почитании таких «святых женщин», как Биби Сешанбе и Биби Мушкилькушо (госпожа Взорник и госпожа Разрешающая затруднения), Святая Фатима и т. п. Надо думать, что при дальнейшем изучении народных верований обнаружатся другие подобные культы. Описать и проанализировать культы «святых женщин» в книге о верованиях мусульман очень важно: именно в среде женщин, где отсталые представления и суеверия чаще всего находили себе приют, культ «святых женщин» был особенно живуч.

Еще одно замечание: книга не лишена научного аппарата. Однако ссылки, которые мы в ней находим, не исчерпывают имеющейся литературы. А привести ее было бы важно. Научный аппарат должен быть достаточно богатым, чтобы им могли воспользоваться и читатели-неспециалисты, и исследователи этой проблемы. Автор книги проработал массу литературы, состоящей почти исключительно из мелких статей, разбросанных большей частью по дореволюционным изданиям. Полная библиография по данному вопросу могла бы оказать значительную помощь как исследователям смежных проблем, так и начинающим ученым, особенно в национальных республиках.

Несмотря на ряд высказанных замечаний, и на то, что в книге далеко не все вопросы темы нашли обстоятельное освещение, нельзя не порадоваться выходу в свет этой талантливо написанной работы, в которой новизна добытых «в поле» сведений удачно дополняется правильным выбором обширного сравнительного материала.

О. А. Сухарева.

3. В. Гоголев. Якутия на рубеже XIX—XX вв. Новосибирск, 1970.

Вопрос об уровне социально-экономического развития народов Сибири в конце XIX — начале XX в., в период, предшествовавший Великой Октябрьской социалистической революции, неоднократно привлекал к себе внимание историков, этнографов, экономистов. Однако эта большая проблема еще слабо изучена. Это объясняется не только сравнительной скудостью источников, но и многоплановостью и сложностью самой темы.

Книга 3. В. Гоголева «Якутия на рубеже XIX—XX вв.» посвящена оценке общественного строя Якутии накануне великих социальных преобразований, вызванных Октябрьской революцией. Следует отметить, что социально-экономическое положение дореволюционной Якутии, вопросы о вызревании капитализма, зарождении рабочего класса и расслоения якутского крестьянства подвергались серьезному анализу в ряде работ, посвященных как общим вопросам, так и отдельным узловым проблемам истории этого края¹. Однако характер и объем этих трудов не позволял их авторам подробно осветить эти глубокие изменения и дать им всестороннюю оценку. Это обстоятельство, как пишет автор рецензируемой работы, и побудило его детально исследовать состояние хозяйства, общественные отношения и классовую борьбу в тот бурный период истории якутского народа.

Действительно, в книге тщательно суммированы имеющиеся статистические и документальные материалы по этим вопросам, в том числе широко использованы этнографические данные. Автор рассматривает новые социальные и экономические явления, возникшие в конце XIX в., на фоне традиционных хозяйственно-культурных комплексов, издавна сложившихся в якутском крае.

В первой главе на основе этнографических и статистических источников характеризуются условия существования и особенности хозяйства якутов, эвенов, эвенков, юкагиров, чукчей и русских Якутской области. Описание занятий, типов жилищ, пищи, одежды, средств передвижения позволили автору показать примитивность материальной культуры населения. Справедливо подчеркнуты в книге тяжелые условия жизни

¹ С. В. Бахрушин, Исторические судьбы Якутии, сб. «Якутия», Л., 1927; С. А. Токарев, Очерк истории якутского народа, М., 1940; «История Якутской АССР», т. II, М., 1957; А. И. Новгородов, Октябрьская революция и гражданская война в Якутии, Новосибирск, 1969.